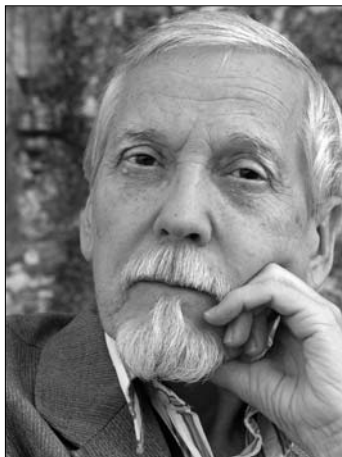

НИКОЛАЙ КОКУХИН

ЧАСОВОЙ МАСТЕР

ПАСХАЛЬНЫЙ РАССКАЗ

1

Часовая мастерская находилась на первом этаже трехэтажного дореволюционного дома — между магазином галантереи и фотоателье. Я вошёл внутрь — над дверью мелодично прозвенел колокольчик. Помещение было разделено невысокой стойкой на две неравные части: приёмную и собственно мастерскую, занимавшую гораздо большую площадь. Навстречу мне поднялся плотный мужчина среднего роста с улыбчивым добродушным лицом, его лоб пересекали глубокие морщины; на вид ему было не меньше шестидесяти.

— Слушаю вас, — обратился он ко мне так, как будто только меня и дожидался.

Я поставил на стойку будильник:

— Перестал звенеть.

— Это очень нехорошо с его стороны. — Мастер взял в руки будильник. — Это примерно то же самое, как если бы трамвай утром не вышел на линию. Сейчас глянем.

Он сел за стол, уставленный часами разных марок, запчастями к ним, крышками из-под монпансье и баночками из-под консервов, заполненными винтиками, колесиками, пружинками и прочей мелочью, без которой часовому мастеру никак не обойтись; вскрыл будильник, внимательно осмотрел механизм.

— Ага, понятно, — сказал он, копаясь в будильнике. — Это называется: ерунда на постном масле.

КОКУХИН Николай Петрович родился в 1938 году в Красноярском крае. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор многих книг на православные темы. Живет в Москве.

Через минуту он поднялся, завёл звонок, перевёл стрелки часов, и будильник зазвенел. Он держал его в руке и улыбался; он был доволен гораздо больше меня. Когда будильник умолк, мастер поставил его на стойку:

— Теперь вы никуда не опоздаете.

Я был очень рад, что мне повезло на мастера, что будильник снова в рабочем состоянии и что не нужно приходить в мастерскую второй раз. Я вытащил из кармана бумажник:

— Сколько с меня?

— Нисколько, — ответил мастер.

— Ну, как же так? Вы трудились, затратили время.

— Я затратил пару пустяков. Скажу вам по секрету: друзьям чинно бесплатно.

— Но я же не друг.

— Значит, будете им! — Он весело рассмеялся. Потирая руки, сказал: — Когда я сделаю людям что-то доброе, у меня весь день отличное настроение. И дела идут как по маслу.

Я от души поблагодарил мастера и попрощался.

Второй раз я встретился с Сергеем Михайловичем Лобовым (так звали моего нового знакомого) примерно через месяц — стали спешить ручные часы. Он отремонтировал их за считанные минуты и снова не взял денег, считая меня своим другом.

В мастерской никого не было. Лобов заварил две чашки чая, высыпал из пакета на тарелку полдюжины сушек-“челночков” — стойка служила нам столом. Мы вели себя, как давнишние друзья, — это случается тогда, когда собеседников объединяет взаимная симпатия. Поскольку разница в возрасте у нас была небольшая, то мы с взаимного согласия перешли на “ты”. Через несколько минут я перевёл разговор в нужное русло, сказав, что вчера был на престольном празднике в Бирюлёвском храме.

— А я живу рядом с этим храмом, — сказал мой собеседник, — окна аккуратно смотрят на церковный двор.

— Повезло, — сказал я.

— Да я там ни разу не был! Хотя уже больше тридцати лет живу в этом доме...

— Почему?

— Дак я ж некрещённый.

— Как так?

— А вот так! Родители боялись крестить, а я сам, когда подрос, даже и не задумывался об этом.

— А сейчас?

— Счас уже поздно.

— Креститься никогда не поздно. Бывают случаи, когда человек крестится в самую последнюю минуту своей жизни.

— Для чего?

— Чтобы спастись.

— Лично мне никто не угрожает: ни милиция, ни соседи, ни клиенты. И дом не горит, значит, спасаться не надо.

— Я говорю о спасении души.

— Это для меня пустой звук. Тело я вижу — вот оно, а душу не вижу, стало быть, её нет.

— А ум ты видишь?

— Ну, это совсем другое дело: его не надо видеть, чтобы знать о нём...

— У тебя очень хорошая душа, она радуется, когда ты совершаешь добрые дела. Жаль, если она погибнет для блаженной Вечности.

— Ты говоришь о загробной жизни?

— Да.

— А по-моему, никакой загробной жизни нет. Вот, например, я скоро умру, моё тело отнесут на кладбище, зароят в могилу, и на этом всё кончится.

— С этого момента всё только и начнётся.

— Ну, это уже сказка.

Религиозная безграмотность Лобова не явилась для меня какой-то неожиданностью. Всех своих новых знакомых, и молодых, и пожилых, я при первом же удобном случае спрашивал о крещении. И каждый третий или четвёртый из них оказывался некрещёным. И если молодые люди, хотя и не все, соглашались рано или поздно принять Таинство Крещения, то пожилые, особенно мужчины, были твёрже камня: любое слово, если оно касалось Церкви, отскакивало от них быстрее, чем теннисный мяч.

Выйдя из мастерской, я горячо помолился о заблудшем Сергии, попросил Господа вразумить его, наставить на путь истинный и не дать погибнуть. Мне было очень жаль, что он всю жизнь прожил в полнейшей темноте, не зная Господа, не участвуя в церковных Таинствах. Я стал молиться о нём каждый день — утром, встав ото сна, в метро, пока ехал на работу, во время прогулок. “Человеколюбец Господь и не такие камни растоплял”, — думал я.

2

Через пару недель, возвращаясь с работы, я заглянул в часовую мастерскую. Там было несколько клиентов — одни сдавали часы в ремонт, другие получали отремонтированные. Я подождал, пока они ушли, поздоровался с Сергеем Михайловичем и продолжил прерванный в прошлый раз разговор. Прежде всего я сказал ему, что душа некрещёного человека без суда и следствия уходит в ад.

— Ну, и что особенного, везде жить можно, — легко и беззаботно сказал мой собеседник.

— Там не жизнь, — возразил я, — там жуткие муки.

— Ну, значит, это как раз для меня: я эти муки заслужил.

— Их можно легко избежать.

— Неужели? — Лобов сделал удивлённое лицо.

— Да.

— А как?

— Очень просто: окреститься.

— Дак я ж коммунист.

— Вот те раз! Компартии давно не существует, а он коммунист!

— Я коммунист настоящий, по убеждению, не как другие: партии не стало, и их не стало. А я свою шкуру не меняю каждую минуту, как хамелеон.

— Ты, небось, и партбилет носишь до сих пор в кармане?

— А как же! Какой я коммунист без партбилета? Вот он, могу показать. — Лобов полез во внутренний карман пиджака.

— Не надо, — остановил я его. — Над этими партбилетами куры смеются... Вот ты говоришь: коммунист. Я лично знал многих крещёных коммунистов. И среди членов правительства были такие.

— Это — хамелеоны. — Лобов пренебрежительно махнул рукой. — Они мне не пример.

— А кто пример?

Лобов встал, прошёлся взад-вперёд по мастерской, остановился.

— Ну, Сталин.

— Он, между прочим, учился в семинарии, — сказал я.

— Верно? — спросил Лобов, поняв, что попался в ловушку.

— Верней некуда.

Сергей Михайлович снова прошёлся по мастерской, соображая, как бы без больших потерь выбраться из ловушки. Он расстегнул пиджак, потом снова застегнул его, сказал простодушно:

— А я и не знал.

— Да и знать это необязательно, — сказал я, помогая старику побороть смущение. — У тебя скоро может быть другой пример для подражания. Без единого пятнышка.

— Это кто ж?

— Преподобный Сергей Радонежский.

— Я такого не знаю.

— Это великий святой Земли Русской. Если ты окрестишься, то он будет твоим небесным заступником и покровителем. Его мощи покоятся в Троице-Сергиевой лавре, совсем рядом. Туда можно часто ездить.

— Ты никак меня уже окрестил?

— Я молю Господа Бога, чтобы это случилось как можно быстрее!

— А зачем? Что за выгода для тебя?

— Выгода для тебя, а не для меня: ты окажешься не в аду, а в Раю.

3

Вскоре я уехал в командировку на Сахалин, где пробыл несколько месяцев. Вернувшись, долго работал над научным отчётом. Потом взял отпуск и уехал отдыхать. Прошло не меньше полугодя, прежде чем я снова навестил часового мастера. Я его не узнал — он сильно похудел, осунулся, лицо покрывала печать бледности, в глазах не было прежней живости; мне показалось, что он стал ниже ростом.

— Три месяца отвалился в больнице, — отвечая на мой немой вопрос, сказал Лобов. — Инфаркт. Чувствую себя не ахти.

— А что, если поехать в санаторий, набраться сил, а потом уж...

— Работа для меня — лучший санаторий. — Мастер улыбнулся, но улыбка получилась какая-то кислая. Он занимался старинными карманными часами, изредка поднимая голову и отвечая на мои краткие вопросы.

— Ну как, креститься будем? — спросил я, когда Лобов, ответив на телефонный звонок, о чём-то задумался.

— Работы накопилось невпроворот. — Он кивнул на полки, заставленные часами разного калибра так густо, что образовался “птичий базар”.

— Одно другому не мешает. А откладывать нельзя: никто из нас не знает, когда Господь возьмёт его душу: сегодня ночью или завтра утром.

— Ну, я-то ещё никуда не собираюсь...

— А там, — продолжал я, как бы не замечая внутреннего сопротивления собеседника, — там уже не крестятся — поздно!

— Я прожил всю жизнь некрещёным — и ничего, не жалею. А насчёт инфарктов, так они у всех бывают — и у крещёных, и у некрещёных...

— У тебя первый инфаркт?

— Второй... Наверно, ты плохо обо мне молился. — Лобов с хитринкой посмотрел на меня: ему было интересно, как я восприму его шутку.

— Да, плохо, — согласился я, восприняв его слова не как шутку, а как серьёзный упрёк. — Второй инфаркт — это как удар грома! Третий ты можешь не выдержать!

— Чему быть, того не миновать...

— И всё же лучше уйти в иной мир подготовленным. Крещение займёт всего один час, — сказал я, не оставляя надежды на то, что мастер, в конце концов, согласится. Мне всё казалось, что он отказывается от крещения потому, что я не нашёл самого веского довода. — Можно креститься в храме, а можно и дома. А если хочешь — прямо тут, в мастерской, — я договорюсь со священником.

Старый мастер поднял брови, обдумывая мои слова, и морщины на его лбу стали ещё глубже.

— Я не готов, — сказал он, опустив брови. — С бухты-баракты это не делается...

Мне нечего было возразить старику.

4

На следующий день, в воскресенье, я поехал в храм Всех святых на Соколе — там, у входа на церковный двор, всегда собирается много нищих. И на этот раз они были на месте — вот публика, которая никогда не подведёт! Я раздал им, никого не пропустив, щедрую милостыню — во спасение души часового мастера. В этом храме служил священником мой друг, я попросил его помолиться о заблудшем Сергии.

Так я поступал несколько раз: слава Богу, нищих в Москве изобилие. Заходить в часовую мастерскую я не торопился, так как в этом не было необходимости: что бы я ни говорил, какие бы доводы, самые веские и самые неотразимые, ни приводил, всё равно Лобов, как и раньше, остался бы при своём мнении.

И всё же я не вытерпел и зашёл к нему в последние дни масленицы. За рабочим столом, там, где обычно я видел Лобова, сидел худой вихрастый молодой человек.

— Можно увидеть Сергея Михайловича? — обратился я к нему.

Молодой человек поднял скуластое лицо, посмотрел на меня одну-две секунды:

— А его нет.

— Где же он, если не секрет?

— Нет, не секрет: он умер.

Я помедлил, переваривая сказанное.

— Давно?

— Да уж месяца полтора, наверно.

Я вышел из мастерской и медленно побрёл по улице. В том, что Лобов умер, ничего особенного не было — все рано или поздно умирают. Дело было в другом: в его загробной участи. Где его душа, в каких заочных палестинах? Страдает или радуется, терпит муки или нашла покой?

Прошёл Великий пост, наступили радостные Пасхальные дни, в моей душе не смолкали чудные Пасхальные песнопения — именно в это время я увидел сон. Мне приснился весенний луг, освещённый тёплыми сияющими лучами солнца. Он был покрыт изумрудной травой, но цветов на нём не было, — только два-три цветка едва виднелись из травы. И птиц не было.

Через несколько дней я снова увидел во сне этот же луг: цветов значительно прибавилось, они были выше и ярче; появились птицы, они порхали над лугом и весело щебетали.

Прошло ещё некоторое время, и я в третий раз увидел весенний луг. Он был буквально усыпан оранжевыми, жёлтыми, сиреневыми, голубыми цветами; от них исходил дивный аромат; птиц было очень много, их пение ласкало слух; посреди луга стояло красивое двухэтажное здание с колоннами, полное неземного сияния.

О чём были эти сны? Как их понять? Может быть, Господь образно показал мне загробную участь часового мастера — ведь молился о нём не только я, но и священник. Каждому человеку в последнюю секунду его земной жизни является Ангел Господень и спрашивает: “С кем ты? С Богом или нет?” И если человек не отречётся от Бога, то Ангел Господень относит его душу к вратам Рая... Вот и Сергей Михайлович, вполне возможно, не отрёкся от Бога; не мог же он забыть те немногие слова о загробной жизни, которые я говорил ему во время своих визитов в часовую мастерскую. Но суть, конечно, не в моих словах, а в безграничной милосердии Господа, Которому дорога каждая человеческая душа и Который хочет спасти самого последнего грешника.